

УДК 316.33

Эстетика образовательных практик: противоречия социального содержания

Дзюбенко Р.Г.

Заведующая отделом аттестации научно-педагогических кадров
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассмотрены новые реалии существования системы российского образования в условиях рыночной экономики и нарастания компонента платного образования, роста его цены и полного превращения данной бывшей сферы культуры в сферу торговли.

Ключевые слова: образование, процесс, субъект сферы образования.

Само слово «образование», причем, по-видимому, только в бесконечно философичном русском языке, уже содержит в себе известную поэтическую метафору: образование – создание образа, образа самого человека. Люди, работающие в этой системе, начиная от детского сада и заканчивая высшей школой, постоянно замечают, как создается этот образ, насколько становятся красивыми и осмыслившими лица «образующихся», как формируется их облик, создается стиль поведения, манера выражать свой внутренний мир.

Образование прежде всего представляет собой деятельность по воспитанию, обучению, передаче знаний, умений, навыков, нравственных и интеллектуальных ценностей от учителей к ученикам. Это значит, что образование есть обязательно деятельность всех его агентов, субъектов. Как и любая человеческая работа, образование предполагает возможность деятельности по законам красоты. Отношения в системе ученик-учитель не случайно постоянно поэтизируются, воспеваются в искусстве. Им придается ореол святости, благоговения. Не случайно в последние десятилетия к слову «образование» постоянно применяется поэтический греческий концепт-эквивалент «пайдейя».

Мы только тогда и учимся действительно с удовольствием, когда учимся бескорыстно, не ради каких-то внешних учению целей, но когда мы учимся просто так, чтобы учиться. Тогда мы получаем от этого наслаждение, не знакомое человеку, который что-либо делает «по учебе» либо ради сбора бесценных баллов, либо даже ради счастливого про-

фессионального будущего. Жизнь показывает, что сегодня очень небольшой процент выпускников вузов устраивается на работу по специальности, приобретенной во время обучения. Получается, учился ради профессии, которая оказалась избыточной, ненужной, а удовольствие от учебы прозевал. Если воспринимать вуз только как «подготовку к жизни» или дорогу в аспирантуру, можно забыть о том, что для студента, например, пять лет обучения в вузе – это и есть сама жизнь, которую многие оценивают потом как самый важный, решающий и самый прекрасный её этап. Тогда вступает в силу этос эстетики, который позволяет человеку забыть, не думать об утилитарных целях его учения и превращает образование в непродуктивную практику. Американский философ Марк Лахт пишет: «Акцент на чистой инструментальности и практической выгоде лишил бы многие... из практик самой сути и потенциала к обогащению человеческого образа действий и культурной жизни. Бессмысленно думать о сексуальности лишь с целью помочь ее регулировать во избежание нежелательного заражения или беременности. Образование важно не только за счет своей способности тренировать студентов к работе. Оно нужно не только ради чего-то другого, иного, чем образование. Как сексуальность, так и образование – самоценны. Польза в них не только за их пределами (хотя, конечно, они делают возможными нечто другое, внешнее по отношению к ним), но и внутри самих этих практик» [1, с. 47].

В контексте эстетического этоса процессы образования априори содержат эстетическую компо-

ненту, участвуя в том, чтобы каждый человек мог за жизнь создать собственный более или менее художественный образ: написать хотя бы одну книгу (книгу своей жизни), создать хотя бы один портрет (портрет самого себя), выполнить какую-нибудь работу как песню спеть. Сформировать себя в качестве личности, которая, по известному определению К. Маркса, должна представлять собой ансамбль (так в немецком оригинале, а не совокупность, как в русском переводе) общественных отношений. Ансамбль – вечно движущееся, музыкальное единство, вечно становящаяся гармония. Эта способность постоянного самосовершенствования, умения учиться, контролировать свои мыслительные процессы и есть самая большая и прекрасная, провозглашаемая всеми субъектами образовательного процесса, цель образования.

Добавим сразу, что никакие образовательные практики невозможны без самообразования не только обучающихся, но и обучающих: преподаватель также может бесконечно совершенствовать самого себя, *своё преподавательское искусство*, а это – тоже немаловажная составляющая эстетики образовательных практик. В максимальной степени это относится к философии, которая с древнейших времен Сократа и Платона понималась как искусство мыслить.

Кроме того, в процессе образования формируется еще один образ – *образ самого образования* [2]. Достаточно сравнить, например, поэтический образ пайдеи и абсолютно прозаический и иногда даже жестокий образ сферы образовательных услуг. Причем именно последний образ максимально заботится о своем имидже, представленном в красочных сайтах школ, институтов, образовательных учреждений, в художественном оформлении учебных программ, в рекламах направлений и специализаций. Как и всякий товар, образовательная услуга должна быть хорошо упакована. Товарно-денежный характер существования образования в России сегодня во многом обуславливает необходимость и неизбежность его эстетизации.

Эстетизация представляет собой тотальный процесс динамики современного общества, охватывающий практически все его сферы, не исключая и образование. Это – «процесс усиления или приобретения эстетических качеств людьми, вещами, всеми формами общественных отношений, не имеющими прямых эстетических функций» [3, с. 33-34]. Если эстетические качества вещи принадлежат ей по естеству, по природе, то эстетизированное – искусственное, специальное приданое, нанесение, присоединение эстетических качеств такому явлению, которое в принципе могло бы без них обойтись, не теряя своей собственной природы. Конечно, всегда приятно, что вещь, функционально пригодная, в то же время красива. Правда, в повседневной жиз-

ни мы всё чаще сталкиваемся с суперсовременной формой эстетизации, когда платим за эстетику товара больше, чем за его способность удовлетворять какую-либо потребность, иначе говоря, за потребительскую стоимость. Отсюда хорошо видно, что эстетизированное выступает в данном контексте как социальная форма бытия эстетического, форма искусственная, не лишенная своей искусности, но работающая отнюдь не на «бескорыстное удовольствие», а на продажу.

Не является исключением и феномен образования. Оказавшись перед лицом современной российской социально-политической ситуации, сфера образования столкнулась с необходимостью продавать образовательные услуги. Соответственно, агенты этой сферы духовного производства вынуждены эстетизировать свой товар. В стране появилось множество вузов, размещающихся в новых зданиях с прекрасной архитектурой и дизайном, с богатыми интерьерами и великолепной меблировкой. Студенты таких вузов носят форму, приходят на учебу со второй обувью, преподавателям обязателен дресс-код. На Интернет-сайтах вузов представлена богатейшая реклама выполняемых ими образовательных услуг. На службу этой рекламной деятельности поставлена практически вся современная визуальная культура и технология: задействованы возможности современных средств телекоммуникации, кино, спецэффекты, аудиовизуальные клиповые программы.

В этом случае речь идет уже не об эстетике, но об эстетизации образовательных практик. На первый взгляд, разница незаметна и эстетизацию в образовании вполне можно представить как частный, конкретно-исторический вариант эстетики образовательных практик. Авторы монографии «Феноменология потребительства» отмечают, что товарный характер образования предъявляет к нему новые требования: оно должно быть «праздничным», необременительным, легким и развлекательным [4, с. 108]. Этого желает потребитель товара-образовательной услуги, а клиент, как известно, всегда прав. Учение превращается в развлечение, в «экшн», в шоу, характеризуется безоглядным оптимизмом и культом удовольствия [4, с. 113-114]. Казалось бы, почти ничего не изменилось: ведь для эстетики характерно именно «незаинтересованное удовольствие» (И. Кант). Однако трудноувидимые подмены эстетического эстетизированным не так уж безобидны. Эстетизация «упаковки» образовательных услуг и внешней формы учебного процесса деформирует и само его содержание, проникая именно в образовательные практики. Сложность в том, что эстетика и эстетизация неотделимы друг от друга, они, взаимодействуя, буквально перетекают друг в друга как поверхности (или поверхность?) ленты Мёбиуса.

Казалось бы, эстетическая компонента образовательных практик, будь то содержание учебных

курсов, не обходящееся без привлечения «законов красоты», или оформление учебных корпусов, аудиторий, лекционных залов, – однозначно положительный момент. Эстетика в образовательных практиках делает процесс образования привлекательным для молодежи и облегчает достижение педагогических целей. Эстетизация современных образовательных практик – вездесущая сторона работы всех субъектов образования¹. Эстетика и эстетизация образовательных практик в их единстве – процесс многогранный и противоречивый. Противоположные полюса этого процесса располагаются в широком горизонте от гламурной барышни с дорогим смартфоном за учебной партой до серьезнейших моментов содержательного характера в учебных программах преподаваемых дисциплин, не имеющих к эстетике никакого отношения, но пользующихся её средствами и силой убеждения.

Сама невозможность отделить эстетику от эстетизации позволяет заподозрить в этом противоречивом процессе присутствие более или менее скрытого идеологического содержания. Неразрывность эстетики и эстетизации не случайно напоминает неразрывность истинного и ложного в любой идеологеме.

Чтобы раскрыть идеологичность образовательных практик, необходимо дотянуться до вопроса о субъектах образования, которое предстанет тогда перед исследователем не как совокупность практик, а как сложный и иерархичный социальный институт. Выделение внутри него конкретных субъектов образования обычно производят в соответствии с критерием уровня принятия решений. Тогда становится очевидным, что вершиной иерархии оказывается государство, а сама она представляет собой многоуровневую систему субъектов, начиная от семьи, школы, институтов гражданского общества, различных образовательных учреждений и заканчивая педагогами и учащимися [см.: 5, с. 17-20]. Связи внутри системы отличаются фантастической переплетенностью. Так, например, «индивидуальный субъект педагогической деятельности, педагог, в то же время, представляет собой часть совокупного субъекта – носителя общественной роли, выразителя определенных интересов, принимающего в системе образования решения определенного уровня» [5, с. 17-18].

¹ Отметим, что процессы эстетизации образовательных практик идут параллельно с динамикой их деэстетизации, которая также имеет достаточно широкий диапазон проявлений. Самое плачевное из них – так называемые «ресурсосберегающие технологии» в образовании, принимаемые многими учащимися за оптимальный путь присвоения знаний без каких-либо усилий. Авторы монографии «Феноменология потребительства» пишут о подобных проявлениях в речевой деятельности учащихся. Это «примитивизация языковых форм, нежелание строить выразительные, лексически богатые конструкции, равнодушие к об разности, метафоричности высказываний, убогость словесных выражений» [4, с. 107].

Педагог вполне может быть выразителем и даже творцом лучших идей, созданных в духовном производстве, древнем и современном, но, работая в государственном или частном вузе и находясь в полной финансовой зависимости от работодателя, вольно или невольно вынужден обеспечивать также и функционирование «идеологических составляющих экономически господствующего класса» (К. Маркс). Образовательные практики формируются социальными субъектами, одним из которых выступает государство как совокупный капиталист, а другим, собиральным, – частный капитал. В этой связи процесс образования становится сферой приложения и, соответственно, воспроизводства капитала, и реализуются в этой сфере интересы тех или иных его агентов. Возникает вопрос: возможно ли и каким образом, чтобы в образовательных практиках сквозь идеологемы прокладывала дорогу истина, а сквозь разнообразные формы эстетизации проступала подлинная эстетика?

Отвечая на этот вопрос, вспомним, что субъект образовательных практик не только иерархичен, но и многолик. Одно из удивительных лиц этого субъекта, сформировавшегося несколько десятилетий назад, описал Рэй Бредбери. Он назвал его «выживанием вида под названием Ребенок» и рассказал, как дети открыли миру научную фантастику: «Дети, умиравшие от недоедания, изголодавшиеся по идеям, которые лежали повсюду на этой волшебной земле, ... взялись за дело сами. ... Они вошли в классы... и положили на стол своим учителям тихую, мирную бомбу. Вместо яблока – Азимова» [6, с. 117]. Когда, наконец, после долгих препирательств, учителя прочитали эти книги, бомба взорвалась, и они с удивлением обнаружили в них идеи, присутствие мыслей, актуальность. А на следующем шаге, вернувшись в классы, учителя увидели, что «ученики, которые раньше вообще ничего не читали, вдруг загорелись, взялись за ум (курсив Р.Б.) и начали читать... Дети, которые в жизни не одолели ничего длиннее киноафиши, вдруг принялись глотать книги, требуя еще и еще. ...Они просто чувствовали, читали и любили» [6, с. 118-119].

Опыт рождения популярности научной фантастики напоминает нам о том, что самые главные субъекты образовательных практик молоды, динамичны, многие из них не зашорены даже идеологемами общества потребления. Конечно, в образовательном процессе сегодня нельзя избежать идеологичности, но можно встать в просвет, в пространство между двух, трёх и более идеологем, избегая влияния нарочитых эстетизаций. Тогда в образовательных практиках будет видна истина и проявится чистая красота.

Литература:

1. Лахт М. Философия как образ жизни // Навстречу XXIII Всемирному философскому конгрессу: философия как исследование и образ жизни: Программа и материалы докладов Международной конференции, посвященной 45-летию Казанского государственного энергетического университета. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2013. – 312 с.
2. Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования: западная философия образования XX в. – СПб.: РХГН, 2004. – 520 с.
3. Шатунова Т.М. Эстетика социального (эстетическое начало в процессе идентификации современного человека). – Казань: Казан. ун-т, 2012. – 140 с.
4. Николаева Е.М., Щелкунов М.Д., Ившина О.Я. Феноменология потребительства: Личностное и институциональное измерения. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. – 160 с.
5. Брызгалина Е.В. Субъекты образования: практические смыслы теоретических дискуссий // Философские перекрестки: Московско-Казанский сборник. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – С. 17-31.
6. Брэдбери Р. Дзен в искусстве написания книг. – М.: Эксмо, 2014. – 192 с.

Aesthetics of Educational Practice: Contradictions of Social Content

*R.G. Dziubenko
Kazan (Volga Region) Federal University*

The paper deals with new realia, the system of Russian education in the market economy conditions, expansion of fee-based education, increase of its cost and transformation of this sphere, which used to be the sphere of culture, into the sphere of trade.

Key words: education, process, subject of education.

